

A dark, atmospheric photograph of a forest path. The path is illuminated from the bottom, creating a strong contrast with the deep shadows of the trees. The trees are tall and thin, with bare branches reaching towards the top of the frame. The overall mood is mysterious and somewhat somber.

16+

Олег Мироненко
Осень в России, осень...

Сборник стихов

Олег Мироненко
Осень в России,
осень... Сборник стихов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41987645

SelfPub; 2019

Аннотация

Это стихи. О любви и одиночестве, вере и сострадании, изломах судьбы и вечной надежде в лучшее. Многие из них пронизаны ностальгией. Что поделать? Осень в России, осень... Последнее стихотворение – о Великой Отечественной. О войне, которую мог выиграть только наш народ. О войне, всю правду о которой, наверное, мы так никогда и не узнаем. Может, так и надо... Но если болит – надо писать. Читайте, люди! Что-нибудь вам обязательно понравится.

Содержание

Россия Екатерины	4
Я увидел небо...	9
Любовь	10
Ностальгия	13
Перроны	16
Одинокий осколок души	18
Разбуди меня, если усну...	21
Память	24
Я умирал уже тысячу раз...	25
Я проснулся совсем ребёнком...	28
У одиночек свой удел...	30
Ты спросила...	31
Перепады	37
Халатик	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Россия Екатерины

Ах, Россия Екатерины,

Далека ты от нас, далека...

Пару с лишним столетий отринув,

Можно прямо попасть в те века.

Что мы знаем о них, потомки,

Все привыкшие мерить по-книжному?

Граф Орлов да Светлейший Потемкин:

Не суди о них по любви к ближнему.

И встречаются сквозь опечатки

Пересуды со всех концов,

Что меняла быстрее, чем перчатки,

Катерина себе молодцов.

То и помнится, что не забыто.

А народ, чтобы двор не скучал,

Сдвинет брови, бывало, сердито,

Да махнет со всего плеча.

И, пока к дыбе был не подвешен

Да распят за грехи палачом,

Знатно, знатно успел всех потешить

Удалой Емельян Пугачев...

Времена – они все похожи:

Думы, подвиги, наговоры...

Нужно с турками было поостроже –

Находился тот час Суворов.

А Европа-то как кряхтела

И грозила умерить пыл,

Когда русские шли оголтело,

Неприступный берег Измаил!

Власть направилась императрица,

Не стесняясь подглядывав нескромных.

Засиял Петербург столицей:

Город, волей одной сотворённый.

Но минули века устало:

Натяженье величья ослабло,

Потускнели дворцовые залы

И сменили хозяев бесславно.

Что осталось: в музеях картины,

Да бумаги в архивных котомках...

Ах, Россия Екатерины,

Долго-ль будешь блуждать в потемках?

Душу тешить в гуляньях кабацких

Да дворцовых переворотах?

Бить челом да зубами клацать,

Заточить их успех на кого-то?

Никогда не плелась ты сзади –

Испокон и во веки веков.

Я молю тебя, Бога ради:

Может, хватит рожать... *чудаков?*

Я увидел небо...

Я увидел небо:
Облака-заплаты,
Синей дымки негу,
Солнечную святость;

Звёзд дневное тленье,
Вычурность пространства...
Воздуха томленье
И непостоянство.

Вечная обитель
Страннику-изгою....
Я смотрел и видел
Небо над собою.

Любовь

А ты попробуй-ка, полюби людей:
Как Христос любил – мукой смертною.
И не размазывай по лицу соплей,
Меря всех одной своей меркою.

Полюби того, кто давно забыл
Как мальчишкой глядел в даль светлую;
И лишь для себя, не для похвальбы,
Все мечту слагал свою детскую...

Он теперь в излом, в никуда бредёт,
И слепое зло в душе пенится...
Он любил себя, он любил её:
Так любил, что даже не верится.

Не смотри, что он – весь в тряпье-рваньё,
И дрожит рука, стакан трогая.
Он платил за всё – пока был в цене...
Не была она к другим строгаю.

Что воротишь нос? Перегаром бьёт?
Не желаешь знать брата ближнего?
А ты люби себя, ты люби её –

Да мечтай, чтобы вышло по-книжному.

Чтоб страданья все – только в прок пошли,
От ветров – любовь разгоралась...
А не так, как он: пьёт со дна души,
Что от прежней жизни осталось.

Не брани его. Не суди его.
Не считай за тварь подзаборную.
Не жалея его. Полюби его.
А то жизнь – она
Баба вздорная;

Как взглянёт в упор, да ещё в прищур,
Да ещё с недоброй усмешкою,
Так поймешь, что вовсе
не чересчур
Головой в петлю лезть не мешкая.

Пусть его судьба не коснётся вдруг
Твоей правильной, да укатанной...
Зато голубь корм у него ест с рук,
Крошки ищет в коленях заплатаанных.

И бездомный пёс, с пустотой в глазах
Оживает, когда он участливо

Говорит: «Жри-жри – вот те колбаса,
Да смотри не помри от счастья-то...»

И, прихлёбывая из горла вино,
Поделясь закуской с собакою,
Он меняет местами верха и дно.
И с земли любовь на небо капает...

Ностальгия

Тихой заводи легкая зыбь

Моноotonно и нервно струится.

В ожидании скорой грозы

Бродят призраки. Мне не спится.

В чехарду незнакомых мест

Память нити вплела тугие,

Чтобы вышел тугой замес

Под названием «ностальгия».

Мне не спрятаться в толще лет,

Мысли плотной закрыв пеленою.

Время – избранных амулет –

Чуть устало играет со мною.

Ночь. Рассвет. Угасанье звезд.

Над водою туман невесомый...

Хоть бы поезд меня увез

От тоски по давно чужому!

А закрытая дверь так манит...

И куда ты, паскуда, щемисься?

У безвременья паразит,

Настоящего жалкий временщик.

А под ложечкой сосет

От несбывшихся надежд.

Прожил задом наперед

Жизнь кругами по воде.

Вот, частушки уже в ход пошли:

В плясовую, гори все печали!

Не в капусте меня нашли,

А в бадье с разносолами к чаю.

Тихой заводи, мать ее, зыбь:

Помочусь щас на рыбок беспечных!

А вообще – не хрен горькую пить,

Если хочешь поплакать о вечном...

Перроны

...И снова перрон.

... И давит усталость.

И стая ворон

кружит над вокзалом,

Меня провожая
с утра-спозаранку,

Когда не играет

«Прощанье Славянки».

Я не суеверен:

Они не нарочно.

И всё же растерян,

И всё же тревожно;

К чему эти крики

Летят в поднебесье?

Скорей бы на стыке

Уж спарились рельсы,

И поезд – союз

Равнодушных вагонов –

Увёз бы мою

Душу к новым перронам.

И в стуче колёс,

В неурядицах мелких

Родится вопрос:

«А кто двигает стрелки»?

Одинокий осколок души

Почему она так одинока?

Прав ли тот, кто всегда с нею рядом,

Говоря про её жестокость:

«Она может убить даже взглядом?»

Нелюбовь неизбывная в сердце...

Кто виновен за долгие ночи

С почти явственным виденьем смерти

И набором тоскливых пророчеств?

И к чему суета деловая –

Погрязать в мелочах и спешить,

Если судорожно догорает

Одинокий осколок души?

Чьи грехи она так искупает?

Чье проклятье берет на себя?

Ей не надо в награду и рая,

Где и дальше страдать, не любя.

Куда лучше простое забвенье,

Чтоб, очнувшись от долгого сна,

Смутно лишь сохранять ощущение,

Что когда-то сгорала одна.

И тогда, в своём новом обличи,

Согревая от стужи птенцов,

Она всем будет петь по-птичьи,

Что рай там, где царит любовь.

Разбуди меня, если усну...

Разбуди меня, если усну.

Безрассудно транжирить мгновенья,

С рук усталых кормя тишину...

Это будет почти преступленьем.

Разбуди меня, если усну.

Не старайся стеречь мой покой:

В одиночестве, пусть и не долгом,

Растревоженных мыслей рой

Может вызвать в душе кривотолки.

Не старайся стеречь мой покой.

Поцелуй меня краешком губ,

Вызволяя из трепетной дремы.

Я не сразу очнуться смогу,

И увижу тебя незнакомой.

Поцелуй меня краешком губ.

И представится, как в первый раз,

Чуть заметная робость движений,

А в бездонье любимых глаз –

Моей детской души отраженье...

Все представится, как в первый раз.

Я ребенок, забывший про все:

Мне бы только согреться тобою.

Кто спасает – тот будет спасен

И своей, и чужою любовью...

Я ребенок, забывший про все.

В этой жизни, почти все истратив

При торговле весной на весну,

Я отчаянно брежу о счастье...

Разбуди меня, если усну.

Память

Часы отстукивают время,

Сердце – ритм, ресницы – взмахи...

Мы – как на плахе.

Вода уносится по каплям,

Жизнь – по мгновеньям.

Нет настроенья

Чертить узоры

Под чьим-то взором...

Сажая камни – пожнешь лишь камни.

Память моя, память...

Я умирал уже тысячу раз...

Я умирал уже тысячу раз:

В снах и изменах, в тоске перепоя.

Тысячу раз я испытывал страх,

Когда душа замирала от боли;

Тысячу раз я был прав и не прав,

Прося у Бога только покоя.

Мертвенный свет скороспелой луны,

Как у Булгакова – люди и тени...

Все мы взаимны берем у весны

Несколько строк и пару мгновений.

Все мы – заложники вечной войны,

Хоть расшиби себе лоб и колени.

Я воскрешал не один раз на дню:

От обещаний, от трели эфира...

А по ночам я любил ту луну,

Мертвенно-бледно служившую миру.

И если я проклят – то не проклян

В горло вцепившийся кашель вампира.

Пусть я заложен тысячи раз,

И никому уже не интересен

В пьяном восторге чудной пересказ

Лучших моих ненаписанных песен...

...Щеки уже – отсырели до плесени,

Но все равно я – маг и кудесник,

Волхв и пророк – мне никто не указ!

Только бы вот отступила тоска...

... А уж своих Бог не предаст.

Я проснулся совсем ребёнком...

Я проснулся совсем ребёнком,
С удивленьем взирая на знаки,
Что оставили в воздухе тонком
Лучи первые солнца-бродяги.

И казалось почти откровеньем,
Что живу я на свете белом,
Где, помимо других творений,
Есть ещё моё брэнное тело...

И хотелось лежать, и не думать:
Почему так легко на сердце?
И куда подевался сумрак
С отдалённым дыханием смерти?

Волшебство это ты совершила,
Не прося никакой награды;
Ты открыла мне путь к вершинам,
Что лежат за пределами взгляда.

Я плеча коснусь осторожно,
Невесомо поглажу волосы...
Мне уже совсем не тревожно,

Что судьба делит жизнь на полосы.

Полоса моей жизни светлая –
Как нежданная, так и желанная.
Привыкаю к тебе незаметно я,
И в лучах твоих греюсь жадно я...

У одиночек свой удел...

У одиночек свой удел:
Не быть им в тягость.
Недолюбил, не разглядел...
Есть в этом сладость.

Не долетела – тяжела -
Мечта-попутка.
Но – ведь была...была?была!
Была минутка,

Когда казалось, что ещё
Возможно пламя...
Но не убит был – а польщён,
И только ранен.

И исцеление пришло,
Как избавленье..
И сам собою был прощён
Без сожаленья.

Ты спросила...

Ты спросила:

«Верю я

в совпадения?»

Приоткрыла

Двери для

Наваждения.

Я приподнял

Череду

Вероятностей,

Понял:

Шел на поводу

Неприятностей.

Узелки

Остались –

Вехи реальности;

От тоски

Бросаюсь

С крайностей в крайности.

Всё не знаю,

Как вернуть

Вглубь ушедшее...

Понимаю:

Это путь

В сумасшествие.

И мерещатся

Ночами

Пророчества;

Тихо плещется

Печаль-
одинокество.

Как совпало,

Что грущу

вечерами я?

Что осталось,

Что ищу

В моногамии?

Изменить

Всё круто,

Или домучиться?

Пережить

Всё тупо:

Может, получится?

И ты тоже,

Как и я,

На изломе дней;

Сердце гложет

Боль-змея –

полнолуние.

И пытаешься

понять,

И винишь себя...

Робко маешься

одна –

Может, и любя.

Кружит осень,

Ворожит

На прощание.

Что мы просим,

Что таит

ожидание?

Ты спросила:

«Верю я

в совпадения?»»

Приоткрыла

Двери для

Мук сомнения...

Перепады

Перепады температур
Ошалевших в скитаниях звезд
Непривычны для кубатур,
Увядающих в мире грез.

Катаклизмы людских надежд,
Устремленных не высь, но в ширь
Популярны среди невежд,
Как услады больной души.

Остролице-безликий франт,
Напомаженный от кутюр,
Вдруг подумал, что все это зря
И лишился своих купюр.

А потом, оставшись один,
Подгоняемый криком чаек,
Ясно понял, что он пингвин
И уехал искать свой айсберг.

Халатик

Непонятно и грустно –
Я сержусь не на шутку...
Я ушел лишь под утро,
Хоть зашел на минутку.

Я пришел сказать: «Хватит!»
Я слова приготовил,
Но твой белый халатик
Разбудил голос крови.

Меня ждали с надеждой
В другом доме в кровати,
Но снимал я, как прежде,
С тебя белый халатик.

Что мне делать – не знаю,
С той, что в ночь проглядела.
И с тоской понимаю:
Сказать правду полдела.

И грущу вперемешку
С беспокойством лунатика....
И, наверно, поспешно

Снял я белый халатик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.